

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2002 г., ЭО, № 1

От редакции

В июле 2002 г. исполняется 115 лет со дня рождения выдающегося отечественного этнолога Сергея Михайловича Широкогорова. Творческий расцвет ученого приходится на «китайский период» его жизни. Все основные работы исследователя вышли за рубежом на английском языке. Яркие идеи, уникальные подходы, обширные материалы сделали Широкогорова классиком этнологии за рубежом. На его книгах и идеях выросли многие исследователи и возникли новые концепции в Китае, Италии, Германии, Франции. Во всем мире этнологи знают и читают его книги. Во всем мире, за исключением его родины. Недоступность большинства работ С.М. Широкогорова для советских этнографов способствовала практически полному забвению имени и идей ученого в Советском Союзе. Исключением были отдельные положения «теории этноса» С.М. Широкогорова, отчасти использовавшиеся в отечественной науке Ю.В. Бромлеем. Лишь на самый конец 1990-х годов приходится всплеск интереса к творчеству одного из величайших этнологов XX столетия. Впрочем, крупнейшие монографические исследования С.М. Широкогорова и по сей день не переведены на родной язык исследователя.

Предлагаемый вниманию читателей перевод некролога В. Мюльмана, посвященного С.М. Широкогороду, публикуется по инициативе автора предисловия к этому переводу известного немецкого этнолога Уллы Йохансен. Данной публикацией мы надеемся обратить внимание российских этнологов на яркие работы одного из классиков этнологии и тем самым сделать еще один шаг к возвращению этого имени в отечественную этнологию.

У. Йохансен

ВЛИЯНИЕ СЕРГЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ШИРОКОГОРОВА НА НЕМЕЦКУЮ ЭТНОЛОГИЮ*

В советскую эпоху в российской научной традиции немецкая этнология межвоенного (между двумя мировыми войнами) периода была представлена только культурно-исторической школой (так называемая школа культурных кругов) во главе с патером Вильгельмом Шмидтом (1868–1954). Критиковать ее было несложно. То, что в Германии, наряду с культурно-исторической, существовали и другие, в том числе противоположные ей школы, осталось незамеченным не только в Советском Союзе, но и почти всюду за рубежом. Помимо франкфуртской школы «культурной морфологии», которую представляли Лео Фробениус (1873–1938) и Адольф Элlegaард Йенсен (1899–1965), речь должна идти прежде всего о берлинской этносоциологической школе, основанной Рихардом Турнвальдом (1869–1954).

Р. Турнвальд – австриец, обретший родину в Берлине, – отличался от других этнологов тогдашней Германии своей ориентацией не столько на немецкий, сколько на англо-саксонский круг исследователей. Кроме своих в общей сложности почти пятилетних полевых работ в Юго-Восточной Европе, Океании и Восточной Африке он

* Выражаю искреннюю благодарность У. Йохансен за просмотр перевода в рукописи и В.И. Харитоновой за внесение в ряде случаев существенной правки в русский текст. – *Примеч. пер.*

вел также научные изыскания в архивах и библиотеках за границей – в США, Англии и Австралии. Этот этнолог преподавал в университетах Калифорнии, Гарварда, в Йельском университете; в 1930 г. он стал почетным членом Королевского Антропологического института в Лондоне. К сожалению, под давлением национал-социалистов Турнвальд вынужден был заниматься научным обоснованием их территориальных претензий.

При создании своего пятитомного труда «Человеческое общество» (1931–1935)¹, Р. Турнвальд, пытаясь охарактеризовать социополитические организации западных обществ, обратил внимание на всеохватывающие работы Широкогорова «Социальная организация маньчжуров» (1924)² и «Миграции северных тунгусов» (1926)³. Обе они были опубликованы на английском языке Королевским Азиатским обществом и потому оказались легко доступны в Лондоне. Наиболее крупные работы Широкогорова, опубликованные на английском, он приобрел для Берлинского института. Турнвальд указал своим ученикам на молодого русского ученого, который, будучи в Китае в относительной изоляции не только от российской, но и от европейской и американской науки, опубликовал оригинальные и весьма примечательные работы, основанные на результатах интенсивного полевого исследования. Двое из учеников Турнвальда, последовав совету учителя, серьезно занялись изучением научных достижений Широкогорова. Это были Урзула Кнолль-Грайлинг, позднее переселившаяся в США, и Вильгельм Эмиль Мюльман (1904–1988) – самый известный ученик и сотрудник Турнвальда.

Статья У. Кнолль-Грайлинг «Социально-психологическая функция шамана»⁴ была основана на исследованиях Широкогорова. Его работы, поначалу мало кем замеченные, с 1960-х годов дали новое направление изучению шаманизма на Западе. Вслед за Широкогоровым У. Кнолль-Грайлинг не выдвигала на передний план вопрос о возможной психопатии шаманов, который десятилетия занимал умы ученых; наоборот, она исходила из идеи нормального психического статуса шамана (Autonormalität), полностью прошедшего период становления. Ее интересовала роль шаманов в обществах, к которым они принадлежали, и проблема взаимодействия шаманов с аудиторией. Две другие работы о шаманизме, написанные У. Кнолль-Грайлинг в 1950-е годы, также испытали сильное влияние идей Широкогорова⁵.

В.Э. Мюльман к 1970-м годам стал ведущим теоретиком немецкой послевоенной этнологии (в ФРГ. – Д.Ф.). Начало его научного пути было довольно сложным. В 1931 г. он пытался работать в области музееведения, однако потерпел унижительное фиаско из-за недостатка практики и неумения контактировать с людьми. Он никогда не проводил самостоятельных стационарных полевых работ. Единственный для него путь в рамках его специальности – хабилизация* – также был закрыт: нацисты считали Мюльмана «космополитом» и «политически неблагонадежным» из-за его явного интереса к зарубежным исследованиям, на этом основании ему было отказано в хабилизации в Гамбурге. И Мюльман был вынужден вступить в национал-социалистскую

* Термин «хабилизация» (Habilitation), равно как и «хабилизационная рукопись» (Habilitationsschrift), используется в университетах немецкоязычных стран. Хабилизация считается обязательной и довольно сложной процедурой получения претендентом с докторской (Dr.) степенью права на чтение самостоятельного курса лекций на каком-либо факультете университета по определенной специальности. В случае успеха соискатель получает статус приват-доцента. В хабилизационной рукописи (объем ее и основательность не уступают текстам лучших наших докторских диссертаций) соискатель должен показать свою склонность к самостоятельным научным исследованиям, на открытом коллоквиуме – продемонстрировать возможности ведения научного диалога, а в ходе открытой лекции – способность к академическому чтению лекций-докладов. Судя по официальным описаниям требований к хабилизации, в ней может быть усмотрен аналог процедуры получения звания доцента в отечественной системе высшего образования. Впрочем, учитывая отсутствие в немецкоязычных странах академических институтов и, как следствие, насущную необходимость для ученого получения права преподавать в университете, по степени важности хабилизация вполне может быть соотнесена с нашей защитой докторской диссертации, а сам хабилизационный текст с текстом докторской диссертации. – *Примеч. пер.*

партию. Теперь ничто уже не мешало его реабилитации, прошедшей в Берлине в 1938 г. Но после 1945 г. ему припомнили членство в национал-социалистской партии.

Мюльман, как и Широкогоров, помимо этнологии изучал физическую антропологию, социологию и философию. Аналитический подход и то, каким образом Широкогоров делает свои заключения, идя от частного к общему, восхищали Мюльмана. Когда вышла книга Широкогорова «Психоментальный комплекс тунгусов»⁶, он не только восторженно отозвался о ней, но и перевел начало работы на немецкий язык, опубликовав его вместе с предисловием в журнале «Archiv für Anthropologie»⁷, соиздателем которого он был. В дополнение к этому Мюльман написал подробную, в некоторой степени критическую, но в целом чрезвычайно хвалебную рецензию на эту книгу в центральном немецком журнале «Deutsche Literaturzeitung»⁸.

Вероятно, еще более выигрышным для пропаганды произведений Широкогорова оказался их анализ, сделанный Мюльманом в его «Methodik der Völkerkunde»⁹ – учебнике этнологии. Этот учебник, несмотря на избыток конкретного фактического материала, вплоть до 1960-х годов был для немецких (ФРГ) студентов основополагающим пособием и использовался ими при подготовке к экзаменам по этнологии. В этой книге Широкогоров – наиболее часто цитируемый автор. Он упоминается даже чаще, чем учитель Мюльмана Турнвальд и Фриц Гребнер (1877-1934)¹⁰ – создатель общепризнанной в то время для этнологов ФРГ книги по методике этнологических работ.

В главе о современной этнологии Мюльман считал возможным назвать в качестве действительно актуальных только три направления: американское учение о культурных ареалах, «чистых» или социологических функционалистов» (Рэдклифф-Браун, Малиновский и др.) и свою собственную школу – «функционалистов с особым акцентированием исторических и психологических вопросов», величайшими представителями которой он видел Турнвальда и Широкогорова.

Последнее направление В.Э. Мюльман рассматривал как наиболее убедительное и единственно перспективное.

В результате методика Широкогорова для большинства ученых ФРГ стала особенно авторитетной. Создателя ее Мюльман называет «самым последовательным функционалистом»¹¹ (с. 163), поскольку Широкогоров в своих работах – в отличие от еще «антиисторичных» на тот момент британских функционалистов – проводит разыскания в области истории, рассматривает функциональные связи и приспособляемость тунгусов к другим этническим группам. При этом он подчеркивает как особое достижение Широкогорова то, что ученый оценивает поведение эвенков на основе их ментальности, а не европейских представлений о поведении, и характеризует такую научную позицию как необходимый постулат этнологии. Только ради этого мы были бы «должны ждать Широкогорова», – пишет Мюльман¹² (с. 159), и далее отмечает: «Заслуга Широкогорова состоит в том, что этнос вновь стал целью этнологических теорий»¹³ (с. 228 и след.). Мюльман столь почитателен к Широкогорову, что в заключительной главе «Постановка цели, задачи исследования и отношения с родственными науками» вместо того, чтобы самому сформулировать какие-то идеи, он предоставляет слово Широкогорову, т. е. просто цитирует столбец из его книги «Психоментальный комплекс тунгусов»¹⁴.

Десятилетие спустя преклонение Мюльмана перед Широкогоровым угасло. Тем не менее во всех своих послевоенных книгах он использовал труды Широкогорова, а, прочитав вышедшую в Шанхае и потому труднодоступную в Европе книгу «Social Organization of the Northern Tungus»¹⁵, перенял такие широкогоровские термины, как «среда» и «межэтническое давление». Однако теперь он представляет теоретические концепции Широкогорова (немного изменив терминологию) как свои собственные и цитирует ученого, о котором писал в некрологе, что тот «стоял в первом ряду теоретиков этнологии»¹⁶, лишь как «тунгусоведа»¹⁷. Впрочем, «Психоментальный комплекс тунгусов» Широкогорова был уже настолько хорошо известен в немецкой этнологии в качестве основополагающего труда, что Карл Август Шмитц (1922–1972), переведя часть текста из введения к этой книге на немецкий язык, публикует в 1963 г.

еще раз этот отрывок как теоретико-методические основы изучения культур¹⁸. Эта книга как одна из самых важных в истории мировой этнологии переиздается в Берлине в 2001 г.¹⁹

В публикуемом переводе некролога, с моей точки зрения, ощущается уважение Мюльмана к великому исследователю, жившему чрезвычайно далеко от него. Письма же Широкогорова Мюльману свидетельствуют о той радости, которую благодаря признанию его научных достижений в Германии ощутил изолированный от европейской науки ученый. Убедительным свидетельством этого признания была публикация в 1935 г. в Берлине в переводе на немецкий язык²⁰ обширного труда Широкогорова «Опыт исследования основ шаманства у тунгусов», вышедшего в 1919 г. во Владивостоке и потому практически недоступного европейским ученым.

Подробное письмо Широкогорова от 16 марта 1938 г. со всей очевидностью свидетельствует о том, как мало он знал в далеком Пекине об опасности национал-социализма. Эта политика в результате ликвидации безработицы и экономической нужды среди широких слоев населения, при своем еще не столь открытом проявлении военных устремлений и преступного антисемитизма, получила к тому времени одобрение не только в Германии, но и во многих других странах. Тоскуя по России и радуясь признанию своих научных достижений в Германии, что отчетливо явствует из переписки, Широкогоров утратил прежний реализм восприятия действительности. Он негативно оценивает британцев, с которыми он познакомился на Дальнем Востоке, т.е. не на их родине, считая их представителями остатков капиталистического колониализма. В одном из его писем выражено убеждение, будто восточные европейцы, к которым следует относить и немцев, должны быть настроены против «британского комплекса», чтобы «не отказаться... от своих моральных основ и (не) стать рациональными циниками».

Широкогорову нравилось в немецкой науке именно то, что она была направлена на исследование основ, или первопричин, а это соответствовало инспирированной философией – у многих русских ученых, в том числе и у Широкогорова – желанию найти ответ на основной вопрос бытия. Такое стремление к созданию теории, рассматривающей феномен от его основ, возникшее у Широкогорова, вероятно, еще во время его учебы во Франции, было тем главным в работах исследователя, что привлекало к его трудам немецких ученых. Именно это стремление позволило Широкогорову отчетливо увидеть заблуждения этнологии своего времени, например, ошибочность представленной русскими эволюционистами гипотезы о психопатии уже состоявшегося шамана. Радикализм размышлений привел ученого к результатам, опережавшим этнологию того времени на добрые 50 лет, например к таким, как культурно-экологический образ мышления или же постулат восприятия исследуемых народов в соответствии с их собственными психоментальными представлениями, а не согласно «комплексу исследователя», в результате чего ученый представляет на суд читателям именно свой собственный «комплекс».

Пришло время выполнить давнее пожелание Мюльмана: напечатать неопубликованные рукописи Широкогорова, названные в составленной им самим или его супругой библиографии, и прежде всего издать как дополнение к его трудам альбом с его фотографиями, хранившимися в Ленинграде и потому недоступными для Широкогорова.

Пер. с немецкого Д.А. Функа

Примечания

¹ Thurnwald R. Die menschliche Gesellschaft. Bd. 1-5. Berlin: Leipzig, 1931–1935.

² Shirokogoroff S.M. Social Organization of the Manchus. A Study of Manchu Clan Organization // Extra V. III, J. of the North China Branch of the Royal Anthropological Society (далее – JNCBrRAS). (Shanghai) 1924.

³ Shirokogoroff S.M. Northern Tungus Migrations (Goldi and their Ethnical Affinities) // JNCBrRAS. V. LVII. 1926.

⁴ Knoll-Greiling U. Die Sozial-psychologische Funktion des Schamanen // Beitrage zur Volkerwissenschaft. Festschrift fur Richard Thurnwald. B., 1950.

⁵ Knoll-Greiling U. Berufung und Berufungserlebnis bei den Schamanen // Tribus. Bd. 2/3. 1952–1953; eadem. Rauschinduzierende Mittel bei Naturvölkern und ihre individuelle und soziale Wirkung // Sociologus. 1959. Bd. 9,1.

⁶ Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex of the Tungus. L., 1935.

⁷ Shirokogoroff S.M. Ethnographie und Ethnologie. Zur Lage der modernen Völkerkunde (Übersetzt von W. Mühlmann) // Archiv für Anthropologie. N.F., 1937. XXIV, 1.

⁸ Mühlmann W.E. Besprechung von S.M. Shirokogoroff: Psychomental Complex of the Tungus // Deutsche Literaturzeitung. 1938. № 15.

⁹ Mühlmann W.E. Methodik der Völkerkunde. Stuttgart, 1938. Через год после выхода учебника В.Э. Мюльмана С.М. Широкогоров написал на него рецензию. Deutsche Literaturzeitung. 1939. № 19.

¹⁰ Grabner F. Methode der Ethnologie. Heidelberg, 1911.

¹¹ Mühlmann W.E. Methodik der Völkerkunde. S. 163.

¹² Ibid. S. 159.

¹³ Ibid. S. 228 и далее.

¹⁴ Shirokogoroff S.M. Psychomental Complex of the Tungus.

¹⁵ Shirokogoroff S.M. Social Organization of the Northern Tungus. Shanghai, 1930.

¹⁶ Mühlmann W.E. Nachruf auf S.M. Shirokogoroff // Archiv für Anthropologie. N.F., 1940. XXVI, 1 und 2.

¹⁷ Mühlmann W.E. Geschichte der Anthropologie. 2. Aufl. Frankfurt; Bonn, 1968. S. 223; idem. Die Metamorphose der Frau. Weiblicher Schamanismus und Dichtung. B., 1981. S. 44.

¹⁸ Shirokogoroff S.M. Die Grundzüge der Theorie vom Ethnos (Übersetzt von C.A. Schmitz) // Kultur. Frankfurt. 1963.

¹⁹ Johansen U. Sergei Mikhailovich Shirokogoroff: Psychomental Complex of the Tungus // Hauptwerke der Ethnologie. Stuttgart, 2001.

²⁰ Shirokogoroff S.M. Versuch einer Erforschung des Schamanentums bei den Tungusen (Übersetzt von W.A. Unkrieger) // Baessler Archiv. 1935. Bd. XVIII.